

⁴⁶ Грачева Г.Н. Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями (по материалам Западной Сибири) // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 38–51.

⁴⁷ См., например: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976; Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века // СМАЭ. Т. XXVII. 1971; Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958. С. 15–106; Алексеев Н.Л. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск, 1975; *его же*. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980; Васильев Б.А. Медвежий праздник // СЭ. 1948. № 4. С. 78–104; Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места XIX – начала XX в. Новосибирск, 1986; Напольских В.В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 5–21; Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984; Лукина Н.В. Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании в этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. С. 226–233.

⁴⁸ Так, в частности, полагает Е.С. Новик. См.: Новик Е.С. Указ. раб. С. 157–158, 218–219.

⁴⁹ Василевич Г.М. Эвенки... С. 10, 13.

⁵⁰ Крюков М.В. «Люди», «настоящие люди» (К проблеме исторической типологии этнических само-названий) // Этническая ономастика. М., 1984. С. 11.

⁵¹ Василевич Г.М. Эвенки... С. 11–12; Туголуков В.А. Тунгусы и ламуты на северо-востоке Сибири // Этническая ономастика. С. 35–38.

⁵² Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... Ч. 3. СПб., 1799.

⁵³ Анисимов Л.Ф. Указ. раб. С. 132–134.

М. Г. Т у р о в . Towards Evenk Ethnogenes and Ethnic History Problem

This article generalizes the results of the author's long-term investigations of Tungus ethnography. The main contents of this publication is the analysis of the modern state of ethnogenes and the ethnic history problem of Evenk – the North group of Tungus which is settled in the vast territory from the Ob to the Pacific Ocean.

The results of the analysis the materials on Evenk ethnogenes and ethnic history including the Russian scientists' investigations in ethnogenes let the correction according the up-to-date level of notion on the phenomenon of «ethnos» and «culture» and the new ethnogenetic data of the number of closely-related sciences.

© 1998 г., ЭО, № 3

В.Я. Б у т а н а е в

КУЛЬТ ОГНЯ У ХАКАСОВ

В религиозной жизни хакасов XIX – первой половины XX в. самым развитым по сравнению с другими культурами был культ огня, истоки которого относятся как минимум ко времени существования средневекового Киргизского государства. Восточные письменные источники сообщали, что киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь – самая чистая вещь; все, что падает в огонь, очищается; (так и) мертвого огонь очищает от грязи и грехов»¹. Огонь наряду с водой относился к самым сильным стихиям. Жители Хыргыс-Хоорай (т.е. Хакасии) считали, что в солнечном мире нет силы могущественней и возвышенней огня². Согласно хакасской мифологии, он произошел от искры, высеченной из кремня одним из культурных героев – Ала бегом³. Как и монгольские народы, хакасы считали отцом огня сталь, а матерью – кремень⁴. По другим версиям, огонь принесла людям ласточка, выкрава его у бога подземного мира Ирлик-хана⁵.

Хакасы обожествляли огненную стихию и величали ее дух-хозяина *От-ине* или *От-идже*, т.е. Мать огня. Возникновение женского персонажа в пантеоне божеств

тюрко-монгольских народов, вероятно, связано с ролью женщины в семейно-бытовой обрядности. Согласно древним мифам, во времена переселения части предков хакасов в страну Хоорай они бросили на произвол судьбы в своих прежних кочевьях одну старую деву. В дальнейшем душа погибшей девы оседлала трехлетнюю рыжую кобылицу с белой звездочкой на лбу и, опираясь вместо посоха на трехлетнюю березу, достигла Хакасии. Передний край ее подола пересек реку Абакан, задний край ее подола пересек реку Енисей. Войдя в жилище хоорайцев, она села в очаг и стала хозяйкой очага (*От-ээзи*). Называют ее также и *Хыс-ине*, т.е. дева-мать⁶.

Дух-хозяйка огня (*От-ине*) считается хранительницей домашнего очага. Полное ее имя *От-инези Хоорай пидже* – мать огня, хоорайская сестра или *От-иджези Хоорай иней* – мать огня, хоорайская бабушка⁷. Интересно отметить, что якуты, переселившиеся на север из Южной Сибири, называют духа-хозяина огня *Хоро*⁸. В связи с этим заманчиво увидеть в якутах не только древних соседей страны Хоорай. Возможно, этот факт – результат влияния хакасов на их мировоззрение.

В молитвах, обращенных к духу-хозяйке огня *От-ине*, указывается на ее принадлежность к божественному пантеону. Например: «Чаасман чаргылыг – Ульгень пир тиллиг» – «Имеет (одну) судьбу с Землей, имеет один язык с Ульгением (верховным божеством)». «Ульгень юзюктигзин, чарыхман чаргылыгзын» – «Ты имеешь (одну) часть с Ульгением, ты имеешь (один) удел с Белым Светом»⁹. «Чогархы турган худайнан пир сести гзер, серки турган чаянная, пир чоллыгзар» – «Вы имеете единый язык с верховным Богом, вы имеете один путь с верховным Творцом» и т.д. Исходя из вышеизложенного, духа-хозяйку огня можно именовать богиней огня.

Богиня огня *От-ине* является сестрой богини *Умай*. В молитвах говорится: «Омай Иджезинен пир тиллигзин» – «Ты имеешь один язык с матерью *Умай*». По представлениям хакасов, две божественные сестры охраняют покой и здоровье детей. У богини огня имеется дочь *Хызыл Чылтыс* (Красная Звезда), которая разносит животворный огонь по всему миру через моря и океаны. К этой же группе божеств примыкает и хозяин водной стихии *Сугдай-хан*, говорящий с ними на одном языке. Подобные верования возникли в связи с тем, что огонь и вода – самые сильные стихии.

У хорошего хозяина юрты богиня огня *От-ине* обычно представляла в облике полной и доброй старушки, у плохого – худой и злой. Кроме того, облик ее изменялся в соответствии со временем суток и даже месяцем. При новолунии она бывала прекрасной девой, при ущербном месяце превращалась в глубоководную старуху. Вечером она – красная дева, носящая шелковые одежды, ранним утром – женщина в возрасте, надевающая грубые одежды. Если женщины дома шили платье, то лоскутки материи непременно бросали в горящий очаг для одежды богини огня. Если доводилось во сне увидеть старуху в красном наряде, это означало, что явилась сама хозяйка огня, которую днем надо обязательно накормить. Во время битвы со злыми силами богиня огня надевала золотые латы. Она стреляла золотыми стрелами из золотого лука¹⁰. Ее величали «тридцатизубой» (тридцатиязыкой) и «сороказубой» (сорокаязыкой), имея в виду многочисленные языки пламени.

Богиня огня *От-ине* давала тепло и свет, постоянно охраняла домашний очаг и семью от злых сил, приносила удачу и богатство хозяину, жила заботами главы дома. Поэтому ее называли *чурттын-ээзи* – хозяйка жилища, *чурттын-хадарчизы* – хранительница жилища, *кизинин-хулгы* – оберег человека, *хадарганын-халхазы* – щит пасущегося (скота) и т.д. Во время молений произносили слова заклятий «хыбын» (искра) и «отатан». Последнее слово непереводимо. Можно предположить, что оно связано с тюрко-монгольским термином «удаган» и обозначает жрицу огня. Кроме того, наличие бубна на фетише *Чалбах-тесь* (о котором будет сказано ниже) говорит о том, что образ богини огня сливается с представлениями о шаманке¹¹.

Чтобы сохранить благополучие семьи, богиню огня *От-ине* полагалось ежедневно «кормить» жирной пищей. Утром и в обед, перед тем как сесть за еду, в огонь обязательно бросали три кусочка сала или три ложки масла. Если надо было срочно

уйти и под рукой ничего подходящего не было, то в огонь брызгали айран. Вечером, после захода солнца, богиню огня не потчевали. Обязанность кормления От-ине возлагалась, как правило, на женщину – хозяйку дома. Если готовилось мясо свежезабитого скота, то кормление огня совершалось следующим образом: от грудины, правого первого ребра и сердца хозяин юрты отрезал по три кусочка мяса или сала и бросал в горящий очаг правой рукой. Если богиню огня кормила женщина, она бросала эти кусочки левой рукой¹².

Во время распития спиртного из первой чашки распечатанного бочонка или бутылки сначала трижды кропили огонь, затем фетиша-хранителя порога *аба-тесь*, после этого в чашку доливали вино и поднимали бокал со словами: «Агаларым инелерим хада исчем» – «Мои дедушки и бабушки, я пью вместе с вами!».

Обряд кормления огня в хакасском фольклоре, связан с культурным героем *Коре-Сарыг*, который обладал даром ясновидения. Во время своего путешествия Коре-Сарыг однажды остановился в юрте бая, но хозяева даже не угостили его чаем. Тогда он зашел в соседнюю юрту бедняка, где встретил достойный прием. Сидя у очага, Коре-Сарыг увидел, как вошла худая пожилая женщина, а из огня навстречу вышла полная, со здоровым румянцем бабушка и накормила Коре-Сарыга и гостью жирной пищей. Это были духи-хозяйки огня. Худая богиня огня От-ине пожаловалась на своих хозяев, а затем ночью сожгла байскую юрту. Целым осталось только седло Коре-Сарыга¹³. Подобные сюжеты имеются у якутов, бурят и у многих славянских народов¹⁴.

Богиня огня От-ине обитала в домашнем очаге *от-оймазы* (букв. «пепелище»). При переезде на другие кочевья глава юрты не забывал пригласить с собой в путь духа-хозяйку огня. Угостив ее пищей в прежнем очаге, он произносил: «Не оставайся здесь, моя мать-огонь! Пойдем в другую юрту, не оставляй свой жар и тепло!»¹⁵. Когда впервые ставили на очаг треножник (*очых*), то к нему привязывали три ленты красного и белого цветов (*чалама*). Эта цветовая символика была связана с почитанием огня и строго соблюдалась хакасами.

На ночь на очаге нельзя было оставлять посуду, иначе плечи богини огня От-ине могли устать. Поэтому с вечера всю посуду с печи убирали на пол. Если при закладке дров в очаге не помещалось одно из поленьев, его «успокаивали», говоря: «Ты останься! Когда мой зять придет: я тебя истоплю!». Головню нельзя было тушить, ударяя о землю, иначе богиня огня могла лишиться зрения и слуха. Нельзя тушить огонь водой. Если все же приходилось так поступать, то прибегали к обману: «Я не лью воду, а идет дождь!». Если огонь в очаге начинал гореть со свистом, это означало, что богиня огня проголодалась и ее надо накормить.

Богиня огня От-ине, как считали хакасы, обладала способностью предвидения. Если в горящем очаге вдруг оседала головня, то это означало приход гостей. Севшую головню называют *хоначы* – гость. С какой стороны оседала хоначы – с той и надо было ждать гостей. Сначала головню нужно было «накормить». Для этого ее посыпали золой, говоря «Здравствуй, дорогой гость! Пей айран и чай! Покури табаку!». Затем немного разгребали очаг, делали из золы «постель» и укладывали хоначы отдыхать. Со словами: «Гость опьянел и уснул» закрывали головню «одеялом» из золы. Уложив хоначы спать, ждали дорогих гостей.

Согласно хакасским преданиям, этот обычай возник в монгольскую эпоху. Угнанная монголами в плен княжна Кобирджин-хыс вместе со своей служанкой бежала в родные места. Когда они были на подходе к дому, мать Кобирджин-хыс, увидев в очаге осевшую головню, бросила ее в корыто с водой. В этот же миг дочь, переходившая небольшую речку, поскользнулась и утонула. С тех пор хоначы почитают¹⁶. Подобный обычай распространен и у монголов.

Особым защитным свойством наделялся «небесный» огонь (*тигир оды*), т.е. зажженный от молнии. Даже обгорелые щепки, принесенные от разбитого молнией дерева, служили в доме оберегом. Злым силам они «казались» полыхающим пламенем. Согласно хакасским представлениям, если принести «небесный» огонь домой и

три года подряд поддерживать в очаге его горение, то хозяин юрты разбогатеет. Однако, если этот огонь из-за недосмотра потухнет, эта семья погибнет¹⁷. Сила «небесного огня» заключалась в том, что он происходил от огненных стрел Громовержца (*Кужурт-Чаячы*), поражавшего ими злых духов.

Иногда в местах бывших кочевий ночью виднелись синие огоньки, называемые по-хакасски *юзют оды* – огонь злых духов. Некоторые старики объясняют подобное явление свечением заброшенных очагов, в которых находятся голодающие духи-хозяйки огня. Подобные призрачные огни заманивали путников к себе, а там эти люди могли и погибнуть.

У хакасов запрещалось осквернять огонь. В сердцевину очага (*от огы*) нельзя было бросать нечистоты, сметать мусор, втыкать колющие и режущие предметы, плевать, мочиться и т.д. При нарушении запрета богиня огня От-ине могла рассердиться, а это влияло на семейное благополучие. Запрещалось даже опускать нож в кипящую воду казана (из-за страха выколоть глаза богине огня). Нельзя было брать камни и кирпичи из заброшенного очага – в этом случае находившаяся там дух-хозяйка огня сжигала дом похитителя. Хакасский обычай запрещал наступать на очаг даже откочевавшей юрты, так как за это следовало наказание – могли заболеть мочеполовые органы. Около огня не разрешалось находиться человеку с кровавыми ранами, а также женщине во время менструации и после родов. При кипячении молока остерегались пролить его на огонь, иначе у коровы заболает вымя и исчезнет молоко, которое «притягивала» к себе богиня От-ине. Горящие головни из очага никому не давали на растопку. После захода солнца нельзя было выносить огонь из юрты, иначе от хозяина отвернется счастье. Если гость прикурил трубку от уголька очага, то перед уходом он должен был ее загасить, а пепел выбить.

В отличие от соседних русских крестьян хакасы до сих пор сжигают в огне выпавшие волосы и остриженные ногти. В этом обряде сохранился пережиток древнего обычая кремации трупов.

В своем гневе богиня От-ине могла наслать кожные заболевания, поэтому при появлении парши, чесотки и других болезней обращались к духу-хозяйке огня. Обычно дядя больного по матери (*тайы*) высекал огнем искры над зараженными участками тела и произносил заклинание¹⁸. После приема пищи, прежде чем выйти на улицу, обязательно надо было послать три воздушных поцелуя духу-хозяйке огня. Существовало поверье, что если так не сделать, то влажные губы поцелуют злые духи (*юзют*) и там вскочат волдыри.

Огонь и его производные – дым и зола – применялись и как антисептические средства. Очищение от нечисти окуриванием называется *алас*. Его совершала обычно пожилая женщина. При окуривании огнем использовали богородскую траву (ирбен) и можжевельник (арчын). Ароматические травы укладывались на железный совочек с девятью горящими угольками. Этим «кадиллом» очищали больного, шамана (при камлании), роженицу (после родов), новобрачных (от воздействия злых сил), помещение после выноса покойника и т.д. Обряд окуривания младенцев назывался *ызырых*. Он применялся в профилактических целях «от испуга». При этом на совочек также клали девять горящих угольков и вместе с ними девять зернышек ячменя, семь щепоток соли и богородскую траву. Обряд этот совершали на каждый девятый день новолуния мать или бабушка ребенка¹⁹. Золе приписывали охранительные и магические свойства. Если на изгородь садилась сорока – вестник несчастий, то в ее сторону три раза бросали золу. При заболевании бешенством больного обводили три раза вокруг очага юрты, после чего он должен был три раза наступить на золу, что якобы излечивало от болезни. Золу нельзя было разбрасывать в разные стороны – считалось, что в этом случае будет разбредаться скот.

По хакасским обычаям, золу ссыпали в специальные зольные ямы – *курендик*. Выносили ее туда только днем в период новолуния. Нельзя было высыпать золу после захода солнца, иначе богиня огня От-ине могла рассердиться. В зольную яму запрещалось бросать мусор, чтобы семья не обеднела. Если человек нечаянно

наступал на зольную яму, необходимо было произвести заклинание «Тпук, тпук, тпук, не я наступил, а наступила слепая старуха».

Зола использовалась и в магических целях (при проклятиях). Обряд проклятия совершался при закате солнца, причем только пожилыми женщинами. Сначала, держа руки за спиной, они три раза кланялись заходящему солнцу. Затем брали из зольной ямы три горстки золы и, повернувшись спиной к закату, бросали золу три раза между ног, произнося проклятие.

Иногда завистливые женщины специально насылали на своих врагов порчу. Улучив момент, они незаметно брали из дома своей жертвы три горстки талкана. Придя в свою юрту, они сжигали талкан на огне и затем эту золу бросали указанным ранее способом в сторону заходящего солнца и читали проклятие: «Как рассыпается эта зола, пусть также рассыплется твоё жилище! Пусть не пройдет и месяца, пусть не пройдет и года, как мои слова достигнут тебя!». Люди опасались подобных недоброжелателей и, чтобы оградить себя от проклятий, совершали над ними своеобразный суд. Аальная община выводила недоброжелателя на публичное место и надевала на него чугунный треножник (*очых*). Человека пропускали через треножник, а на лбу до крови процарапывали острым кремнем крест. Операция заканчивалась тем, что у недоброжелателя выбивали во рту «проклинающий» зуб (*хосс тис*), который тут же сжигался. После такого «огненного» суда злобные люди лишались своей силы²⁰.

Хакасская юрта делилась на две части, границей которых служил очаг. Пространство от входной двери до очага называлось *от-соо* – «охвостье огня» и считалось непочетным. Обычно сюда сажали бедных родственников. Противоположная сторона за очагом у кровати именовалась *от-пазы* – «изголовье огня» и являлась почетной. Здесь размещался хозяин жилища. Когда ставили юрту отделившемуся сыну, то во время новоселья (*иб тойы*) совершали ритуал зажигания нового очага и кормления духа-хозяйки огня. Согласно обычаю, в новой юрте огонь высекал серебряным огнивом дядя по матери (*тайы*) или его приносили из-под отцовского крова, дабы сына опекало счастье родителей²¹. После разжигания очага приступали к ритуальному кормлению богини огня От-ине. Вокруг очага втыкали семь березовых вертелов (*сис*), на каждый из которых было нанизано по три кусочка сала и привязано по три красные и белые шелковые ленты – чалама. Все присутствующие кланялись очагу, а дядя по матери, окропив огонь аракой, бросал веточки с салом в огонь и читал молитвы.

Культ огня играл большую роль в семейно-бытовых обрядах. После рождения ребенка роженице нельзя было близко подходить к очагу, иначе богиня огня От-ине могло «притянуть» грудное молоко и оно пропадало. Как только роженица поправлялась, устраивали моление огню – *отха пазыртханы*. Молодая мать становилась перед очагом с почетной стороны юрты, держа ребенка на руках и, три раза поклонившись, бросала в огонь три кусочка сала. Ребенку в это время намазывали рот, щеки и темя маслом или сметаной. Рядом с роженицей кланялись огню ее мать или свекровь, которые произносили молитву: «Мать-огонь и богиня Умай! Смажьте свой рот жирной пищей, притяните к себе горячий пар!». До тех пор, пока молодая мать не поклонялась огню, она не прикасалась к очагу, иначе у нее могло пропасть молоко. Затем, в течение года, она в каждый девятый день новолуния кормила огонь, бросая в него семь кусочков сала. При этом читалось заклинание: «Если зайдет черт, прогоняй, если зайдет злой дух, выдувай!»²². В течение трех месяцев после рождения ребенка женщина обязана была, заходя впервые в какую-либо юрту, поклониться очагу.

Поклонение домашнему очагу в новой юрте и в большом доме (*улуг иб*) родителей жениха совершала невеста во время свадьбы. Невесту усаживали на кошму в «охвостье огня» со стороны дверей юрты. С почетной стороны находилась мать жениха. Она держала в руках три березовых вертела, на каждом из которых было насажено по три кусочка сала и по три красно-белой ленты – чалама. Во время поклонения огню свекровь бросала в огонь березовые вертела с салом, а почетные

старцы читали благословение: «Пусть перед очагом находится колыбель! Пусть за очагом будут дрова!»²³.

Огонь играл важную роль и в погребальном обряде. Во время поминок (дома и на кладбище) разводили поминальный костер, где сжигали пищу для умершего: до него, якобы доходила гарь от сжигаемой пищи. Ритуал выполняли только пожилые женщины. Умершему мужчине клали в огонь пищу правой рукой, а женщине – левой. Прежде, чем приступить к обряду «кормления» умершего, сначала бросали три кусочка сала богине огня От-ине. Через год после смерти завершали поминальный комплекс обрядом *ибириг* – ритуальным обходом могилы с огнем. Все родственники обходили могилу три раза, с запада на восток, против движения солнца, держа в руках головню (*турун*), вдова или вдовец стучали по надмогильному холмику горячей головней и, три раза ударяя по тому месту, где находилась голова покойного, приговаривали: «Мы бьем тебя огненной головней! Мы закружили твою голову! Больше не проси у нас еды!» У восточной стороны все останавливались, пили араку и кланялись могиле. После третьего обхода головню клали у изголовья могилы со словами: «Твой огонь потух!» Затем все отряхивали подола, говоря: «Пусть злые силы больше не привязываются к нам. Ты совсем уходишь, больше не думай о нас. Ты ушел в истинный мир и больше не вернешься»²⁴.

Согласно представлению хакасов, после завершения обряда *ибириг* душа умершего уже не могла выйти из могилы, так как ей закружили голову (т.е. она потеряла ориентацию) и окружили ее огнем.

Духа-хозяюку огня почитали и шаманы, и служители «белой веры» *ах-чаян* (бурханизм)²⁵. Согласно шаманским канонам, прежде чем начать камлание, шаман, кланяясь, испрашивал благословение богини огня От-ине. Без ее разрешения и поддержки он не мог благополучно вступить в битву со злыми духами.

Ежегодно хакасы совершали домашнее жертвоприношение огню *от тайих*. Обычно его проводили весной на девятый день новолуния, когда распустятся листья, закукует кукушка и «проснутся» горы и реки. Это жертвоприношение могли возглавлять как шаманы, так и служители белой веры, называемые по-хакасски *пурхан*, т.е. святой человек²⁶.

Для жертвоприношения необходимо было установить в юрте трехлетнюю березу (*най хазын*), которую заносили через дымовое отверстие. Она водружалась в почетном переднем углу. Для ее освещения ветви украшали белыми и красными ленточками – чалама²⁷. В жертву приносили белого барашка с черными щеками или ушами. Вспоров ему грудь, разрывали аорту, проходящую вдоль позвоночника. Кровь нельзя было проливать на землю. Варили переднюю правую сторону туши; легкие и сердце готовили на пару. Горячее мясо раскладывали на подносе, который устанавливали на низком столике – *сирее*, помещенном под березой. В качестве ритуальной пищи использовали правую голень, правое нижнее ребро, правую часть курдюка, голову, легкие, сердце. Остальное мясо и шкура шла тому, кто руководил молением в качестве награды за его труд²⁸. Вокруг очага втыкали девять березовых вертелов. На них нанизывали по три кусочка сала, срезанного с правой стороны курдюка, привязывали по три белых и красных ленточки – чалама. Во время жертвоприношения все домашние обходили три раза вокруг очага по движению солнца, а руководящий, бросая по три вертела с салом в огонь, произносил молитвы богине От-ине.

В каждой хакасской юрте находился фетиш, посвященный богине огня, который по-хакасски назывался *чалбах-тес* или от *инези-тес* (букв. «фетиш матери огня»). Его изготавливали непорочные девушки под руководством женщины-шаманки; работая, девушки должны были веселиться и петь песни. В центре квадратного куска белого холста рисовали охрой три человеческих фигуры. Одна из них изображала богиню огня От-ине, вторая – ее сестру, богиню Умай, а третья, вероятно, – дочь богини огня. Над их головами пришивали «шапки» из кусочков соболиной шкурки, а низ полотнища обшивали парчовыми лоскутками. По бокам с обеих сторон

изображали по березе, причем с правой стороны – вниз кроной: опираясь на нее, приехала в Хакасию (Хоорай) дух-хозяйка огня. В углу холста прикрепляли маленькое изображение бубна, к которому привязывали маленькую же деревянную колотушку (*орба*). Чалбах-тес за верхние тесемки привязывался к стропилам крыши и находился на мужской половине юрты²⁹. Во время жертвоприношения огню его вешали на ритуальную березу. Руководивший молением окроплял чалбах-тес белым молоком, надосенным непорочной девой от белой коровы, окуривал его богородской травой и обращался к нему с молитвой:

«Сама-Сама!

Ты появилась из именной Качи (река в районе Красноярска. – В.Б.),

Оседлав трехлетнюю рыжую кобылицу,

Опираясь на крону трехлетней березы,

Ты достигла реки Абакан!

Ты стала матерью огня!

Ты имеешь отдых под трехлетней березой,

Ты изображена красной охрой,

Ты имеешь шубу, окаймленную черной парчой,

Ты имеешь шубу, окантованную лапками черного соболя,

Ты имеешь шапку из черного бобра,

Ты носишь одежду из черного сукна,

Ты тридцатизубая мать-огонь,

Ты сороказубая дева-мать!

Сама-Сама!»³⁰.

Рядом с чалбах-тесем находился фетиш *хызыл чалама* (красная священная лента) или *хызыл тес* (красный фетиш), символизировавший жезл (*сабыт*) богини огня Отине. Его делали из длинной березовой развилки, обернутой шкурой косули, и подпоясывали красным кушаком. Хызыл чалама служил оберегом трехлетней кроваво-рыжей кобылицы, на которой ездила богиня огня. Во время жертвоприношения огню ее, украсив белыми и красными лентами, привязывали к правому косяку дверей юрты. Трехлетняя кроваво-рыжая священная кобылица (*хызырах позырах*) в свою очередь служила оберегом богини огня и называлась *от-ызыгы* – священное животное огня. Ее сначала окуривали богородской травой, затем совершали обмывание водой, настоенной на богородской траве. После этого кобылицу три раза обмахивали фетишем хызыл чалама. В завершении на ее круп трижды помещали чалбах-тес и совершали троекратные поклоны. После окончания моления кроваво-рыжую кобылицу отпускали в поле, а хызыл чалама вешали на его постоянное место в юрте. Ритуальную березку относили в лес, где ее привязывали вместе с ленточками «чалама» к растущему дереву. Если дома люди не болели, то эту живую березку могли использовать и три года, и семь лет спустя³¹.

Итак, по мировоззрению хакасов, дух-хозяйка огня в отличие от многих духов-хозяев гор, рек, и других природных явлений относится к разряду верховных божеств и находится в одном ряду с древнетюркской богиней Умай. При возникновении в эпоху позднего средневековья белой веры *ах-чаян* культ огня был полностью ею принят, хотя приоритет в молениях остался за шаманами. Культ огня является яркой чертой культуры хакасов, что дает нам право назвать их огнепоклонниками Саяно-Алтая.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Молитва духу-хозяйке огня³²

Хыбын-хыбын!
Омыс тистиг От-инем!
Хырых Тистиг Хыс-инем!
Хара чирден хада путкезин
Хан тигирден тине тореезин!
Хызыл чалын чабынгазын
Хызыл кести Тозенгезин!
Алтон азыр сурбечин
Ах чалыннан оралган
Читон азыр сурбечин
Кок чалыннан чабыраан!
Хыбын-хыбын!
Отыс тистиг От-инем!
Оол паладжа ойналгазын
Хырых тистиг Хыс-инем
Хыс паладжа хыналгазын
Хызыл иирде хыс полпы хубулгазын!
Орты хараада ертымах частыг ипчее
чулескезин!
Айнын полза иргизинде
Аар частыг иней полджанзын!
Айнын полза наазында
Абахай часхы хыс полджанзын!
Хыбын-хыбын!
Отыс тистиг От-инем
Алын идсен Агбан кискен
Агбан хайраханнан пир чоллыгзар
Чогархы турган худайнан пир сестигзер!
Хырыс тистиг Хыс-инем!
Кизин идеен Ким кискен,
Ким хайраханнан пир чоллыгзар
Чогархы турга чаяннан пир тиллигер!
Отыс тистиг От-инем!
Хырых тистиг Хыс-инем!
Колбейгеннин устюнде
Когергеннин алтында
Синнен улуг ниме чогул!
Синнен улуг хан чогул!
Синнен улуг пиг чогул!
Тооза нимени син коредирзин!
Прай нимени син пиледирзин!
Сынджыхсын! Сын корил одыр!
Отатан, отатан От-инем хайрахан!
Отыс тистиг От-инем!
Хырых тистиг Хыс-инем!
Удуг чуртын улутлин одыр!
Кичиг чуртын кистетпин одыр!
Чалынныг одын чабырып одыр!
Хорбаларны хоргытпа!
Хызыл быбынын чабырып одыр
Чарбаларны чарчыхтырба
Ходарганнын судин хадарып одыр!
Хара пастыгны сибирип одыр!
Хурай-хурай!
Отыс тистиг От-инем!
Хырых тистиг Хыс-инем!

Хыбын-хыбын!
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Сороказубая моя дева-мать!
Ты создалась вместе с черной землей,
Ты родилась вместе с великим небом!
Ты укрылась красным пламенем,
Ты подстелила крафные угли!
Шестьдесят твоих раздвоенных косичек
Обернуты белым пламенем!
Семьдесят твоих раздвоенных косичек
Блестят синим пламенем!
Хыбын-хыбын!
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Ты играешься словно мальчик.
Сороказубая моя дева-мать!
Ты важничаешь, словно девочка.
Красным вечером ты становишься красной девой!
В полночь ты превращаешься в женщину
средних лет!
Если наступает ущербная луна,
Ты становишься глубокой старухой!
Если наступает новолуние,
Ты становишься красивой девой!
Хыбын-хыбын!
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Твой передний подол пересек Абакан.
С господином Абаканом вы имеете одну дорогу.
С верховным богом вы имеете одну речь!
Сороказубая моя дева-мать!
Твой задний подол пересек Енисей.
С великим Енисеем вы имеете один путь.
С верховным творцом вы имеете один язык!
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Сороказубая моя дева-мать!
На распростланной (земле).
Под синееющим (небом)
Нет ничего величественнее тебя!
Нет хана главнее тебя!
Нет бога главнее тебя!
Ты все видишь,
Ты все знаешь!
Ты истина! Ты видишь правду!
Отатан, отатан, моя госпожа огонь-мать!
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Сороказубая моя дева-мать!
Не заставляй вить великое твое жилище!
Не заставляй ржать малое твое жилище!
Уйми свой пламенный огонь,
Не пугай молодые побеги (т.е. детей)!
Усмири свои красные искры,
Не заставляй вздрагивать молодую поросль!
Охраняй молоко пасущегося (скот),
Окружай заботой черноголовый (народ)!
Хурай-хурай!
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Сороказубая моя дева-мать!

Алнын алтабаспын!
Ай соон киспеспин!
Хайнаан сугны чачыратпалым
Хызыл козинни хаймыратпалым
Ах ойбанны пурлатпалым
Кок чалынны чабырбадым
Айна тип адабин чам
Чик тип алгабинчам
Алданчам – пазырынчам
Чалбах тилин чаза салдым
Сюбюр тилин скюрте салдым
Арыг тайнин читирчем
Хыбын-хыбын!
Отыс тистиг От-инем
Хырых тистиг Хыс-инем
Ханалын ибнин ээзизин
Хара пастыг чоннын тутчанзын
Хараагызын хадарып одыр!
Кунерткизин кюзедип одыр!
Чабалны чаалап одыр
Чахсынын чалахайын салып одыр
Хара пастыг чонны олджееезин
Ах ибине абна-чикти поэтыпаазын
Айна килзе апсырын одыр!
Чик килзе чилбенин одыр!
Отыс тистиг От-инем
Хырых тистиг хыс-инем
Юс азахтыг тас очини
Ырган-чайхап тигип одыр!
Терт хулахтыг кюлер хазанны
Уле-тала хайнадып одыр!
Хамых чонны азыраазын
Арганнарны симиргедин!
Астааннарны тосхыргазын!
Тонганнарны ириткезин
Хара пастын чулазын
Халарганнын халхазызын
Отатан, отатан От-инем хайрахан!
Отыс тистаг От-инем!
Хырыс отистиг Хыс-инем!
Хызырах поэзрах мюндюттигзин
Тор пазында тюнеткен
Юс частыг алтын пюрлиг пай хазын
седрлигзин
Ах-хызыл чалама хазангазын
Хызыл чалама палгангазын
Хызыл плат сабыттыгзын
Хызыл чалын хабынджахтыгзын!
Хызыл кес тезектигзин
Он чоданы таянгазын
Он хузуринн сыйбангазын!
Он сюбе чоджалыгзын
Тогыс сис толыгзын!
Тогыс кизек чаг азыхтыгзын
Ахсын-пурнын чаглап одыр!
Астаан харынны азырап одыр!
Сухсаан кексин чибидин одыр!

Я не перешагнул тебя спереди
Я не пересек тебя сзади!
Я не плескал в огонь кипящую воду!
Я не шевелил твоих красных углей!
Я не развеял твой белый пепел!
Я не принижал твоё синее пламя!
Я не называл тебя чертом!
Я не величал тебя дьяволом!
Я кланяюсь и молюсь тебе!
Я расстелил твой широкий язык!
Я смазал твой длинный язык!
Я приношу тебе чистую жертву!
Хыбын-хыбын!
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Сороказубая моя дева-мать!
Ты хозяйка каркасной юрты,
Ты управляешь жилищем черноголовых людей!
Ты ночью охраняешь,
Ты днем дежуришь,
Ты уничтожаешь плохое,
Ты проявляешь добро к хорошему!
Ты даешь счастье черноголовому народу!
Ты не пускаешь злые силы в белую юрту!
Если придет черт, ты чихаешь.
Если придет бес, ты отмахиваешься,
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Сороказубая моя дева-мать!
Трехногий чугунный свой треножник
Ты, раскачав, ставишь!
Четырехушковый свой казан
Ты, булькая, кипятишь!
Ты кормишь весь народ!
Ты исхудавших поправила!
Ты голодавших насытила!
Ты замерзавших согрела!
Ты душа черноголового (народа)!
Ты щит пасущегося (скота)!
Отатан, отатан, моя госпожа огонь-мать!
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Сороказубая моя дева-мать!
Ты едешь верхом на трехлетней рыжей
кобылице
Ты имеешь сень под трехлетней священной
березой
С золотой листвою, поставленной на ночь
в почетном месте!
Ты приколола себе белые и красные ленты
«чалама»,
Ты подвязалась красной лентой «чалама»,
Ты имеешь опахало из красного платка!
Ты имеешь покрывало из красного пламени!
Ты имеешь постель из красных углей!
Ты опираешься на правую голень!
Ты наслаждаешься правой (частью) курдюка!
Ты угощаешься правым нижним ребром!
Ты имеешь выкуп из девяти вертелов!
Ты имеешь пиццей девять кусочков сала!
Ты смазываешь салом свои рот и губы!
Наполни свой голодный желудок!
Размочи свою иссушенную грудь!

Арыг тайни алын тур!
Отатан, отатан От-инем хайрахан!
Отыг тистиг От-инем!
Хырых тистиг Хыс-инем!
Хызыл тистиг хыс инем хайраханым!
Ымай иждем хайраханнан пир тиллигзер

Арыг худым!
Ах тахпайга салабас, ики полган пидже

Арыг киним хыйгаазар!
Хызыл чохыр аттыг Хызыл Чылтыс хызын

Оттыг чалын чайылып,

Оттыг, талайны кискен!

Хызыл Хыбынын тооладып,
Чирни-супны ибирген!
Хайраханым! Отха койбес Хыс-ине!
Читон азыр чиленген

Чир устюнде чайылган
Алтон азыр чилиген
Тюгыс ах талайны кискен
Хырых сагын полып хырых чулатха
тараазын!

Хырых чулат пазынан хырых тюнюкке
тускезин

Хызыл чалын полын,
Кок олен отган сулган чадыбысказын
кок ымайзын

Отыс сагын полып отыс чулатха тараазын!
Отыс чулат пазынан отыс тюнюкке
тускезин

Ах чалын полын, ах олен отган сулган
Чадысхыбазын Ах ымайзын
Отыс тистит От-инем!
Хадарган малнын ээзи полып одыр!
Хара пастыг чоннын пазы полып одыр
Халын чурттын халказы полып одыр!
Арыг чуртха айна чикти кирбин одыр!
Хыбын-хыбын-хыбын!

Прими свою святую жертву!
Отатан, отатан, моя госпожа дева-мать!
Тридцатизубая моя огонь-мать!
Сороказубая моя дева-мать!
Ты госпожа с красными зубами дева-мать!
Ты имеешь один язык с госпожой
матерью-Умай!

Моя чистая душа!
Положив на белую веточку, вы две сестры
перерезали

Мою святую пуповину!
Имеющая кроваво-пестрого коня твоя дочь
Хызыл чылтыс,

Распространив огненное пламя, пересекла
огненное море.

Рассыпая красные искры, она обошла вокруг
земли и воды!

О госпожа моя! Не горящая в огне дева-мать!
Семьдесят твоих раздвоенных кореньев
Разошлись по всей земле!

Шестьдесят твоих кореньев
Пересекли девять священных морей!
Превратившись в сорок искр, ты
Распространилась по сорока ручьям!
От истоков сорока ручьев ты упала в сорок юрт,
став красным пламенем!

Завернувшись в белую траву, ты –
Белая Умай!

Превратившись в тридцать искр, ты
Распространилась по тридцати ручьям!

От истоков тридцати ручьев ты приземлилась
В тридцать юрт, став белым пламенем!

Завернувшись в зеленую траву, ты –
Голубая Умай!

Тридцатизубая моя дева-мать!
Стань хозяином пасущегося скота!
Стань ханом черноголового народа!
Стань защитой крепкого жилища!
Не пропускай в чистую юрту нечисть!
Хыбын-хыбын-хыбын!

Примечания

¹ Худяков Ю. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995. С. 130.

² Бутанаев В.Я. Вопрос о самоназвании хакасов // Этнограф. обозрение. 1992. № 2. С. 66.

³ Подобный персонаж имеется и у соседних шорцев. См.: Шорский фольклор. М.; Л., 1940. С. 311.

⁴ Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.; Л., 1989. С. 408.

⁵ Хакасские предания и сказки. Абакан, 1960. С. 215.

⁶ Бутанаев В.Я. Почитание тесей у хакасов // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 98.

⁷ Сообщение Толстухина Харатая 1895 г. рождения, сеок ах соххы, аал Канадлов; Ербягиной Дарьи 1888 г. рождения, сеок ах хасха, аал Хозаннар.

⁸ Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск, 1975. С. 71.

⁹ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IX. СПб., 1907. С. 571; Архив НИИ Музей антропологии и этнографии (далее – МАЭ) РАН. Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. Л. 28.

¹⁰ Архив НИИ МАЭ РАН. Оп. 6. Д. 20. Л. 28.

- ¹¹ Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987. С. 25; Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сб. МАЭ. 1955. Т. 16. С. 171.
- ¹² Бутанаев В.Я. Национальные блюда хакасов. Абакан, 1994. С. 2.
- ¹³ Сообщение Булгановой Прасковьи 1913 г. рождения, сеок пурут, аал Балганов, Аскизский р-н.
- ¹⁴ Алексеев Н.А. Указ. раб. С. 70; Галданова Г.Р. Указ. раб. С. 23; Максимов С.В. Крестная сила. Мерово, 1991. С. 300; Гладышевский А. Культ огня (из истории шаманизма в Хакасии) // Живая старина. Абакан, 1995. С. 66–67.
- ¹⁵ Сообщение Саможековой М.Я. 1915 г. рождения, сеок ажыг, аал Агаскыр.
- ¹⁶ Чирим тамырлары. Абакан, 1982. С. 61.
- ¹⁷ Сообщение Кулгашевой Обдо. 1895 г. рождения, сеок ах хасха, аал Окунев.
- ¹⁸ Народная медицина Хакаско-Минусинского края. Абакан, 1995. С. 16.
- ¹⁹ Там же. С. 4.
- ²⁰ Сообщение Тугужековой М.П. 1901 г. рождения, сеок ах хасха, аал Сапогов, Усть-Абаканский р-н.
- ²¹ Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан, 1996. С. 61.
- ²² Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 212.
- ²³ Бутанаев В.Я. Свадебные обряды хакасов в конце XIX – начале XX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренного народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 188.
- ²⁴ Бутанаев В.Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 129.
- ²⁵ Значительное число проявлений в религиозной жизни хакасов позволяет говорить о существовании у них относительно целостного комплекса представлений, который условно можно определить как «урханнизм». Подробнее см.: Бутанаев В.Я. Национальная религия хакасов и формирование личности // Таиса. 1994. № 4. С. 54; *его же*. История возникновения и развития бурханистских культов среди хакасов // Тез. докл. Т. II. Уфа, 1997. С. 103.
- ²⁶ Сообщение Тугужековой М.П., Кулгашевой Обдо и др.
- ²⁷ Катанов Н.Ф. Указ. раб. С. 594.
- ²⁸ Яковлев Е.К. Этнографический обзор долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. С. 106.
- ²⁹ Иванов С.В. Указ. раб. С. 167–170.
- ³⁰ Бутанаев В.Я. Почитание тесей у хакасов. С. 98.
- ³¹ Катанов Н.Ф. Указ. раб. С. 594.
- ³² Записано со слов Кулгашевой Обдо.

Ya. B u t a n a e v. Khakas Fire Cult

The fire worship is one of the most important cults in Khakas ritual culture. Idolizing fire elements Khakas call it other of fire. As distinct from spirits-masters of mountains, rivers and other natural phenomenon. The fire-mistress is one of the supreme deities. Its image is close to the image of life giving dodders Umay. Appeared in extreme antiquity fire cult in many reflects determines Khakas national religion specificity.

© 1998 г., ЭО, № 3

Е.Ф. Фурсова

СЕМИЦКО-ТРОИЦКИЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПРИОБЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – 30-х ГОДОВ XX в.

Семицко-троицкие обычаи и обряды, бытовавшие в Новосибирском Приобье, рождали сложный комплекс традиционных верований различных этнокультурных групп восточных славян, мигрировавших сюда в XVII – начале XX в. Нами исследовались группы старожилов и переселенцев второй половины XIX – начала XX в. из разных регионов Европейской России. В силу причин, специфических для каждой